

Кэмпбелл Нев

13.11.03.
259

премьера

легко ли быть красной обезьяной

сегодня в России стартует
«Труппа» Роберта Олтмэна

Молодая Нев Кэмпбелл в «Труппе» впервые меняет прикид девушки из фильма ужасов на балетную пачку

Газета-2003-13 нояб.-с. 13

||| АНТОН ДОЛИН

Абсолютное большинство девочек мечтает о карьере либо актрисы, либо балерины. Канадской девочке Нев Кэмпбелл не повезло: мечтала она танцевать (даже научилась этому), а стала вопреки всему актрисой. Не утешила ее даже всемирная известность, пришедшая к ней как к центральной и сквозной героине киносериала ужасов «Крик». Но пару лет назад удача наконец-то улыбнулась бедняжке: она встретила пожилого джентльмена, изменившего ее судьбу. Звали его Робертом Олтмэном, и он согласился снять по сюжету Нев фильм, в котором она бы сыграла главную роль — молодую преуспевающую танцовщицу современного балета. Результат их сотрудничества, картина «Труппа», удивил многих.

Главным сюрпризом оказалось то, что Олтмэну — режиссеру безупречной репутации — похоже, изменило чувство меры. Фильм делится на две одинаковые по объему, но неравнозначные по степени важности

Видный американский режиссер Роберт Олтмэн знаменит умением проникать в суть предмета, исследуя самые разные сообщества — от персонала полевого госпиталя (MASH, 1970) до мира высокой моды (Pret-a-porter, 1994). После попытки описать английскую усадьбу довоенных времен и соответствующий детективный антураж («Госфорд-парк», 2002) Олтмэн рискнул войти во вселенную балета. Итогом стал фильм «Труппа».

части, перемежающие друг друга. В первой зрители посвящают в закулисную жизнь вполне реальной труппы «Джоффри Бэллей оф Чикаго», рассказывая о подготовке нескольких постановок, о мелких интригах, о повседневном труде. В центре — судьба восходящей звезды, экстремально талантливой девушки по имени Рай (ничего небесного, по-английски просто Ry), которая днями надрыгается в театре, а ночами подрабатывает в баре официанткой, еще и заботясь о пьющей матери и двух бедолагах — отце с отчимом. Во второй части мы видим сами выступления, вполне реальные, публичные, поставленные известными хореографами (которые, как и основная часть танцовщиц, играют сами себя).

Часть первая поражает бессмысленной детальностью при полном отсутствии какой бы то ни было интриги. Об успехах Рай, похоже, заботится сама судьба — ее соперниц преследуют травма за травмой, вслед

за разбившим сердце бойфрендом тут же сам собой является новый, идеальный во всех отношениях. Публика аплодирует, руководство довольно, все о'кей, только зрители всю зевают. Подробный донельзя сценарий не спасает ситуацию, а только портит. Сама Нев, хоть и актриса по профессии, явно больше стремится танцевать, чем играть. Остальные же и вовсе не актеры — с них взятки гладки. Следить за происходящим помогает лишь один человек, отменный артист Малколм Макдауэлл, играющий вбалмошного директора и худрука труппы, — но все же появляется он недостаточно часто, чтобы скрасить очевидные драматургические недостатки.

Компенсацией становится часть вторая — потрясающая во всех отношениях, впечатляющая даже того, кто полностью равнодушен к балету, особенно современному. Магию танца оттеняет магия кино: к примеру, полную уверенность в незаурядном даре Нев-

танцовщицы (который, видимо, все же является иллюзией) создают мастерский монтаж, а также свет. Специально ли все это ставилось для фильма или творчески использовались уже готовые постановки, в любом случае надо отдать должное тому, как потрясающе танец представлен на экране. Прошу прощения за аналогию, но закулисные интриги в сравнении с ним выглядят не лучше разговорно-сюжетных перебивок между эротическими сценами в качественном порнофильме. Неясно, в чем дело. То ли старик Олтмэн решил не спорить с молодой энергичной барышней и дал ей натанцеваться вволю, то ли режиссер позволил себе концептуальное заявление. Мол, ерунда все это ваше кино, а балет — искусство подлинное, нешуточное. Что-то подобное имел в виду Франко Дзеффирелли в «Каллас навсегда», только на тему оперы. Поэтому, хотя фильм объективно не стал удачей Олтмэна, трудно не испытать подобия кинематографического экстаза в некоторых сценах: например, где

Нев с партнером танцуют номер под дождем и осенними листьями, кружимыми нежданым грозвым вихрем.

Граница между реальностью и фантастическим миром танца оказалась уж слишком резкой, чтобы нормальный зритель успел сориентироваться. Яркий пример — основная постановка фильма, по поводу которой комичный канадский хореограф лепит очевидно комическую фигню (зал облегченно смеется) о каких-то синих змеях и красных обезьянах, вылезаящих из змеиной пасти. Юмор вроде бы? Ан нет. В катарсическом финале зритель может наконец наблюдать танец красных обезьян и синей змеи и вынужден признать, что ничего смешного в нем нет. Скорее нечто впечатляюще-величественное. Вперед наука: хорошо смеется тот, кто смеется последним. В данном случае Роберт Олтмэн, опять обманувший публику, заставил ее усомниться в искусстве кинематографа, дабы превознести балет.